

9(C)K₂₃
H90

академия наук казахской сср
история казахской литературы

в трех томах
•
том третий

алма · ата · 1971

институт литературы и искусства
им.м.о.ауэзова

казахская советская литература

под редакцией
м.к. каратаева

издательство.наука • казахской сср

894.342.09

И 907

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Ц. Каратаев (ответственный редактор),

М. Габдуллин, М. Т. Дуйсенов, Е. В. Лизунова.

М. С. Сильченко , А. Т. Тажибаяв

Литературные редакторы

А. И. Брагин, Н. С. Ровенский.

7—2—2

95—71 м

от редакции

Советский период в истории казахской литературы — самый богатый и плодотворный. За пятьдесят лет Советской власти казахская литература стала многожанровой, профессиональной. В ней получили развитие такие неизвестные или малоизвестные ранее жанры и виды художественного творчества, как реалистический роман, повесть, драматургия, литературоведение и критика. В послереволюционные годы в ней зародился и окреп новый творческий метод — метод социалистического реализма, в утверждении которого решающую роль сыграли выдающиеся казахские писатели: С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин, М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, А. Тажибаев, Т. Жароков и др.

Настоящий, III том «Истории казахской литературы» охватывает этот наиболее богатый ее период, отражает сложный процесс развития казахской литературы, ее связи с другими братскими литературами.

Исследование состоит из следующих разделов: «Становление казахской советской литературы (1917—1929)», «Казахская советская литература 30-х годов», «Казахская литература периода Великой Отечественной войны (1941—1945)», «Литература послевоенного периода (1946—1955)», «Современная казахская литература (1956—1968)».

В томе представлены главы о казахском литературном языке, об интернациональных связях казахской литературы, о русских пи-

сателях Казахстана. Монографические главы посвящены исследованию творчества крупных представителей казахской советской литературы. В конце книги дана летопись литературной жизни республики.

История казахской советской литературы написана коллективом авторов: «Введение»—М. Каратаевым; «Становление казахской советской литературы» — М. Дуйсеновым, Т. Какишевым (использованы материалы Е. С. Исмаилова); «Казахская советская литература 30-х годов» — Р. Бердибаевым; «Казахская литература периода Великой Отечественной войны» и «Казахская литература послевоенных лет» — М. Базарбаевым, А. Нарымбетовым; «Современная казахская литература» — М. Каратаевым, Р. Бердибаевым, М. Дуйсеновым, А. Нарымбетовым, А. Тажибаевым, С. Ордалиевым, Б. Наурызбаевым, Б. Уахатовым, Т. Какишевым, М. Атимовым; «О казахском литературном языке» — С. Кенесбаевым; «Интернациональные связи казахской литературы» — Е. Лизуновой; «Русские писатели Казахстана» — В. Владимировым; «Сакен Сейфуллин»—М. Каратаевым; «Беимбет Майлин» — С. Ордалиевым; «Ильяс Джансугуров»—М. Дуйсеновым; «Мухтар Ауэзов»—М. Каратаевым; «Сабит Муканов» — М. Хасеновым; «Габит Мусрепов»—Х. Адибаевым; «Габиден Мустафин»—Б. Сахариевым; «Аскар Токмагамбетов» — М. Базарбаевым; «Таир Жароков» — К. Джумалиевым ; «Абдильда Тажибаев» — М. Дуйсеновым; «Гали Орманов» — М. Хасеновым; «Касым Аманжолов» — А. Тажибаевым.

Летопись литературной жизни и краткую библиографию составил А. Нарымбетов. Рукопись тома подготовила в печать К. Мынжасарова.

КАСЫМ АМАНЖОЛОВ
(1911-1955)

Касым Аманжолов принадлежит к поколению писателей, вступивших в литературу в конце 20-х годов. Некоторые из них начинали чуть раньше, другие несколько позже, но всех их объединяла одна эпоха. Почти все они вышли из бедных семей, воспитывались в детских домах, затем вступали в комсомол и первые свои стихи посвящали Ленину, партии, Родине. Такие стихи можно прочитать у Г. Орманова и Т. Жарокова, Ж. Салина и Д. Абилева и у многих других поэтов. У них общая литературная школа, во многом сходный жизненный материал. Из разных уголков республики, еще не встречаясь, перекликались они молодыми, звонкими голосами. Действительность тех лет составляла основу их стихов. Идейный настрой давали произведения С. Сейфуллина и С. Муканова, Б. Майлина и И. Джансугурова.

Как и старшие братья по перу, К. Аманжолов был влюблен в новую эпоху, в обновленную родную землю. И переполнявшие его душу чувства вверял он беспокойным струнам домбры. Народные напевы, звучавшие еще над колыбелью поэта, помогали развиваться юному таланту. О счастье и радости новой жизни он стремится рассказать одинокой матери, нашедшей счастье, бедняку, добившемуся свободы, друзьям, приобщившимся к знаниям. Молодой голос поэта был еще слаб, юные думы еще наивны, но уверенны и ясны. Горячо и громко стучало его песенное

сердце. И люди невольно начинали прислушиваться к нему.

Полной биографии К. Аманжолова не сохранилось. Поэтому восстанавливать ее приходится со слов близких и друзей поэта. В последней книге трехтомника, вышедшей уже после смерти поэта, напечатаны воспоминания Е. Исмаилова. Их можно назвать отправной точкой писательской биографии Аманжолова.

К. Аманжолов родился в 1911 г. в Каркаралинском районе Карагандинской области. Он рано лишился отца. В 1923 г. старший брат Ахметжан устроил его в начальную школу г. Семипалатинска. До 1926 г. Касым воспитывался в школьном интернате. После начальной школы он учится в Семипалатинском зооветеринарном техникуме, овладевает русским языком, знакомится с русской литературой. В 1930 г. Аманжолов работал в редакции "Лениншил жас", в этой газете были напечатаны его первые стихи. В 1931 г. К. Аманжолов поступает в Институт лесного хозяйства в Ленинграде, но оставляет его в связи с ухудшением здоровья и уезжает в Уральск, где сотрудничает в газете «Ударная стройка». Там поэт собрал вокруг себя творческую молодежь, пробудил в ней интерес к поэзии и музыке. Жизнь в Уральске много дала для развития К. Аманжолова как поэта. Стихи и переводы того периода вошли в сборник «Тайна жизни», вышедший в 1938 г. В эти годы Аманжолов тесно сближается с такими поэтами и писателями, как Х. Бекхожин, Г. Орманов, К. Сатыбалдин, Ж. Саин, Д. Абилев, А. Жумагалиев.

С 40-х годов К. Аманжолов активно переводит русских и западноевропейских классиков. С особенной страстью работал он над переводами Пушкина, Лермонтова, Маяковского.

К. Аманжолов пробовал перо и в драматургии, и в литературной критике, писал очерки и рассказы для газет. Но призванием его была поэзия. И в драматургии он выступал как поэт. С детства притягивала его сцена, а знакомство с драматическими произведениями Пушкина, Лермонтова, Маяковского усилило этот интерес. И не случайно в ту пору он перевел «Маскарад» Лермонтова. К сожалению, драматический талант поэта не получил развития. Но было бы несправедливо судить о драматургическом таланте Аманжолова лишь по торопливо написанным пьесам и незаконченным либретто. В его стихах, особенно в сатирической поэме «Невеста», можно встретить отличные образцы диалога.

Немного сделал К. Аманжолов и как литературный критик. Ему не удалось широко использовать свои возможности. В юности не хватало знаний, а в зрелом возрасте — времени. Но поэт не мог оставаться в стороне от литературного процесса. Талантливые молодые люди поддерживали с ним тесную связь, читали ему новые стихи, присылали свои рукописи. Все это требовало оценки, осмысления. С другой сторо-

ставшего хозяином земли и орудий труда, волновала каждого поэта. Но воссоздать поэтический образ труженика, его новую психологию было не просто. Мешали незрелость, отсутствие опыта, знаний. Даже учиться у таких больших поэтов, как Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Сабит Муканов, Ильяс Джансугуров, было трудно, так как они и сами еще неясно представляли себе способы изображения послереволюционной действительности и подчас лишь фиксировали ее внешние приметы, создавали условный образ человека труда. Стихи К. Аманжолова, написанные в 1933—1935 гг., такие, как «Тракторист Темирбек», «Ты труд воспой, язык мой», «Назипа» и «Новый батыр» страдали теми же недостатками:

Тракторист наш Темирбек
Улегся на постели.
Как воды быстрых рек
Вдаль мысли улетели ⁴.

В стихотворении «Ты труд воспой, язык мой» написано:

Пой, язык мой,
Пой сегодня,
Пой без устали ты, пой ⁵.

А «Назипа» заканчивается такими строками:

В Чапаевском колхозе уже пять лет
Работаю дояркой неустанно.
Я счастлива и горя в жизни нет,
Все мне доступно, что хочу достану ⁶.

Но обязанности советской литературы, особенно поэзии, были намного сложнее. М. Горький на I Всесоюзном съезде писателей СССР поставил большие задачи перед всей советской литературой. Великий писатель говорил о труде и долге литератора перед советским человеком, он призывал показать его вдохновенную фантазию, полет его мысли, созидательное мастерство. Он говорил: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью» ⁷.

⁴ Том 1, стр. 194.

⁵ Там же, стр. 197.

⁶ Там же, стр. 201.

⁷ М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 718.

Новый эстетический кодекс утверждал, что поэзия — это труд, а поэт — труженик, который должен заботиться о своем интеллектуальном обогащении. Без этого не могут зазвучать в унисон со временем струны его домбры, без этого не раскроются его глаза на мир.

Аманжолов нашел ключ к изображению человека труда. Он одним из первых в казахской поэзии показал, что поэт — прежде всего труженик, что сама поэзия — вдохновенный труд. В стихотворении «Поэт», написанном в 1940 г. о Маяковском, Аманжолов сравнивает поэтический труд с трудом рядового человека:

Писал он стих, один за другим,
И кинжал держал в руке, и стрелял,
Он нажимал на всхлипывающие мехи,
И молотом бил, кроша камни ⁸.

В этих стихах нетрудно заметить влияние поэзии Маяковского. Но у Аманжолова обобщенный образ человека труда дополняется чертами батыра, гордого, смелого, мечтательного романтика, мастера-новатора.

Особенно вдохновенно прославляет он труд в таких стихах, как «Казахстан», «Жыр доярок» и др. Самое примечательное из этих стихотворений — «Коммунист», написанное в 1952 г.

Коммунист, которого рисует поэт, прежде всего человек труда. Он может быть и вчерашним батраком и сегодняшним трактористом Темирбеком. Возможно, что и современная Назипа поднялась до этого уровня. Одухотворенность и простота, свойственные советскому народу, сосредоточены как бы в одном человеке. Где рос этот джигит, кто воспитал в нем столь высокие нравственные качества? И поэт отвечает;

Перед ним — "Материализм и
эмпириокритицизм",
Видел я его задумчивое лицо, освещенное
мыслью,
Сам он выучился, и других обучал,
Не любил джигит невежество

Таков облик нового человека. В этих стихах поэт предстает передовым деятелем своего века, глубоко изучающим труды Ленина.

Всю советскую поэзию привлекали великие революционные события прошлого. О них писали в русской поэзии Демьян Бедный и Маяковский, в казахской — Сакен Сейфуллин, Сабит Муканов, Беимбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Аскар Токмагамбетов. Традиционными в пролетарской поэзии стали стихи о 1 Мая, Октябрьской революции,

⁸ Том 2, стр. 189.

• Том 3, стр. 94.

8 марта. Стихотворение Сабита Муканова «Здравствуй, Май», напечатанное в свое время в «Известиях», не потеряло своей художественной ценности до сих пор. Эту традицию пролетарской поэзии целиком восприняли и поэты второго поколения. К. Аманжолову принадлежат такие остропублицистические стихи, как «Процветай, моя Родина», «За 11 лет» (1931), «Октябрьскому тою», «Здравствуй» (1932) и написанные позднее «Великий Октябрь», «Потомкам Испании», «12 декабря», «Размышления» и др.

В первые годы после Октября поэтические произведения писались по общепринятым канонам: проклятие прошлому, затем — хвала свободе, подаренной революцией, контрасты прошлого и настоящего, наконец гимн революции, уничтожившей насилие. Аманжолов, также прошел эту школу. Свое толгау «Великий Октябрь» он начинал с описания старого:

В половодье — широкое озеро,
В засуху — выжженная степь.
То были дни, то было то же время ¹⁰.

О революции поэт писал так:

И вот настал день,
Перелилась в сердце месть через край.

Последние строфы поэмы посвящены десятилетию Казахстана:

Вот удача —
За 10 лет
Вырвался вперед в состязании,
Здравствуй, процветай
Из года в год
Социалистический Казыстан!..

Здесь ощущаются поэтические ритмы С. Сейфуллина. Поэт переносит в свои стихи даже сейфуллинское начертание слова «Казыстан». По этому же принципу написаны стихи, посвященные съезду комсомола, 15-летию Октября.

Примерно с 1939 г. в его стихах прорывается собственный поэтический голос, отмеченный высокой поэтической культурой. Вот стихотворение «Май идет!»:

Май идет! Май идет! Прекрасный май!
В голубой выси простерли свои крылья
знамена!

¹⁰ Том 1, стр. 431

Горький — солнце, в свое время
осветившее мир,
Горький — цветок, рассыпавший по миру
семена ¹⁴.

Подобные стихи он посвятил Чернышевскому, Чкалову, Стальскому, Нурпейсу Байганину, Джамбулу.

Таким образом, даже в политических стихах, требовавших сугубо современных форм, поэты не могли оторваться от фольклорной поэтики. Это отражалось, конечно, и на внешней форме стиха — на размере, на ритме. Но опять-таки дело не только в этом, вопрос гораздо сложнее. В то время средства познания и изучения социальных преобразований не поднимались выше фольклорных. Глубоко уважая труд народных акынов, следует признать, что они были далеки от глубокого психологического исследования человека, его миропонимания и мироощущения.

Невежественному человеку, не способному вырваться из круга старых взглядов на жизнь, великие идеи — всегда загадка. Понятие пространства для него равнозначно обозримой дали, космос — творение всемогущего, судьба — божественное предопределение, жизнь — овеществление судьбы. Такой человек воспринимает лишь те вещи, которые можно, как говорится, потрогать, пощупать руками. Все же остальные явления, лежащие за пределами наших непосредственных ощущений — неведомый мир, недоступный познанию. Потому и о революции поэты тех времен писали каждый со своей позиции. Если Маяковский в поэме о Ленине исследовал глубинные исторические процессы, то народные акыны лишь добросовестно перечисляли то, что принесла революция угнетенному народу. В раз навсегда принятом порядке говорили они о том, что в прошлом народ был угнетен, и раздавлен, и что сегодня он обрел радость, улыбку, свободу, землю, скот.

Ленин для них был, разумеется, неустрашимым батыром, которого не берут пули, соколом, у которого не устают крылья, а иногда и просто мифическим героем. В народную поэзию тема революции вливалась свежую, обновляющую струю, но для письменной литературы примитивность мысли и фольклорная архаика на протяжении многих лет были серьезным тормозом. Не о «национальной самобытности», а о замедленности процесса, топтании на месте свидетельствовали все эти устаревшие образы батыров, соколов, тулпаров.

К. Аманжолов много читал, много экспериментировал. Постепенно он начинает ломать установившиеся поэтические каноны:

¹⁴ Там же, стр. 105.

Надоело, наскучило мне все,
 Не могу я идти медленным шагом.
 В стороне я остался, я понял это сейчас,
 Повторяя то, чему меня учили.

От прошлых дней не осталось и следа,
 Кроме морщин на лице.
 Исписал я много бумаг,
 А все было — просто забава

Вдумчивый исследователь творчества Аманжолова Такен Алимкулов писал: «Разве не веет духом Абая от этих строк? Поверить в то, что их написал молодой поэт — значит признать за ним большую силу»¹⁶.

Если сопоставить стихотворения Аманжолова, написанные в период ученичества, в период следования поэтическим канонам с более поздними, созданными в годы творческой зрелости и самостоятельности, то нетрудно будет увидеть огромную разницу. Стихи, написанные в 1935—1940 гг. отмечены теплотой и искренностью («Марфуге», «С...», «Знаешь ли ты, моя милая?», «Где ты, ангел любви?»). Но по художественным достоинствам они значительно ниже всего, что создано поэтом позднее.

Многие стихи начального периода не поднимаются выше альбомного уровня:

Или, может быть, любовь моя тебе чужда.
 Или, может, невнимателен к тебе?..

Значительная часть из них посвящена женщинам. Содержание этих стихов весьма ординарно, в них нет духовности, они переполнены безудержным темпераментом и чувственностью:

Полюбил я твои ресницы и брови.
 Полюбил я твое белоснежное горлышко,
 Полюбил я твою не тронутую никем,
 Не обласканную солнцем нежную шейку.

Среди подобных стихов можно встретить более или менее удачные, но опять-таки язык в них по-восточному велеречив, а изобразительные средства стереотипны: цветок, соловей, ангел, месяц, звезда, солнце. Попытки же автора показать настоящую, живую страсть и любовь реализуются в картинах охоты беркута за лисой, ястреба — за лебедем. Вот образец подобных стихов:

¹⁵ Там же, стр.154.

¹⁶ Там же. См. «Предисловие».

В цветущем саду Ирана
Стоит красавица, полная тайны...

Иногда, стараясь не отстать от времени, поэт вводит слова «булат», «магнит» и пр.

В 1939 г. поэт увлекается переводами классической поэзии, в частности Пушкина и Байрона. Не без их влияния было написано стихотворение «Люблю испанку», которое выделяется из множества бесцветных сочинений на любовную тему. Но и в этом стихотворении можно прочесть томительные восточные строки:

Слышал ли ты голос соловья,
Услаждающий сад и цветок,
Убаюкивающий сердце мужское,—
Песню, которую поет испанка? ¹⁷

Снова «соловей», «сад и цветок» и пр. Но здесь поэт создает не абстрактный образ сладкогласной девы. Испанка сменила гитару на винтовку и восстала против фашизма. В ней бьется сердце, любящее родину и не боящееся смерти. Стихотворение заканчивается гражданскими строками:

Как идеал свободы
Она любила Байрона.
Люблю я такую испанку.
Люблю я такую подругу ¹⁸.

Разумеется, это — подражание Байрону со всеми присущими подражанию недостатками. И все-таки молодой поэт попытался оторваться от восточных канонов и создать новый образ женщины, новый женский характер.

В те годы К. Аманжолова больше привлекала тема романтической любви. Реалистические средства, которые настойчиво искала казахская советская поэзия были ему чужды. Тема одухотворяющего, возвышающего начала, связанная с образом женщины в мировой поэзии, считалась в то время излишней. Героини С. Сейфуллина — бесстрашные женщины («В ауле беглеца»), девушки-рабфаковки, умеющие держать в руках лом и лопату. Б. Майлин изображал активистку, которая беспокоится о судьбе края, о судьбе своего любимого. Женщины С. Муканова и А. Токмагамбетова самоотверженно пробивали себе дорогу к свободе и знаниям. Это были новые для казахской поэзии женские образы. К. Аманжолов пошел другим путем, он искал иные средства для решения образа женщины и темы любви, в частности.

¹⁷ Там же, стр. 137.

В 1940 г. он создает стихотворение «Платок». По содержанию оно напоминает одноименное стихотворение Б. Майлина. Но если у Майлина платок — обычный подарок, то у Аманжолова он имеет символический смысл:

Ты в платок, если хочешь,
Сердце мое заверни ¹⁹,—

говорит девушка джигиту, уходящему «на гражданскую войну». Стихотворение наполнено чувством тоски, надвигающейся беды и надежды на добрый исход:

Возможно, этот платок
Окрасится красной кровью.
Если сердце почует недобрую весть,
Любимая твоя с испугом проснется в постели ²⁰.

Образ женщины, цельный и ясный, нарисован на фоне сурового времени. На трудный путь впереди она смотрит без страха. Ради высокой цели она готова идти в бон. Здесь создан идеальный и вместе с тем конкретный образ женщины, воплощающей лучшие черты женщин нашей эпохи.

Этими же достоинствами отмечено стихотворение «Дарига». В нем поэт мастерски рисует ужасы прошедшей войны, любовь девушки, которая оберегала юношу в сражениях. И не мужчина, не джигит, а ее любовь одолела войну. Нежность и верность Дариги — источник мужества и героизма джигита. Стихотворение может служить образцом советской любовной лирики.

К. Аманжолов и позже создает ряд жыров о любви к женщине. Но содержание большинства из них не поднимается выше тех, что были написаны в юности.

В изображении природы у К. Аманжолова полностью отсутствует созерцательность. У него почти нет пейзажей в обычном описательном смысле. Он следует опыту тех художников, у которых картины служат выражению душевного состояния героев.

Многое для разработки пейзажной лирики сделали поэты старшего поколения — С. Сейфуллин, И. Джансугуров. В поэме Сейфуллина «Кокшетау» главный герой — природа. И. Джансугуров в «Картинах Джетысу» рассказал читателю о характере гор. Картины одухотворенной и возвышающей человека природы занимают значительное место в творчестве А. Токмагамбетова и Г. Орманова.

Отдал дань красотам Кокшетау и К. Аманжолов:

¹⁹ Там же, стр. 136.

²⁰ Там же.

Растет бетеге* на голой вершине Кокшетау,
Золотое сияние излучают вершины ²¹.

Это написано в 1930 г. В дальнейшем поэт отказывается от описательства. Стихотворение «Весна», например, созданное в 1937 г., звучит совсем иначе:

С неба голубого смотрят солнце и месяц,
Успокоение душе приносит солнечный день.
Тихо приходит на землю весна,
Как любимая джигита ²².

Подобных строк можно привести много. Но из стихов Касыма не составить пейзажной антологии. Он не писал специально о природе. Природа была для него лишь фоном, поводом для глубокого, нередко патетического самовыражения. В стихотворении «Май идет!» все краски, все звуки, вся окружающая природа служит выражению радости лирического героя. В этом отношении поэт следует Лермонтову. Есть у Аманжолова стихотворение «Я — дитя природы». Он воспеваает природу не как созерцатель — природа жила в нем самом. Говорит ли поэт о времени, о родине, о тяжелых днях и часах, радуется или грустит — он всегда подчиняет своему замыслу картины природы. Она говорит за него и от его имени. Даже мысль о том, что он стыдится плохих стихов, он выражает категориями природы:

Не хочу лепить слова из сухой глины,
Пусть каплями падают они, образуя озеро ²³.

У Аманжолова хорошо развито чувство меры. Поэтому, к каким бы преувеличениям он ни прибегал, в его стихах никогда не теряется: живой, конкретный человек во всем богатстве его интеллектуальной и душевной жизни. Так, гибель Абдоллы поэт показывает яркими, вдохновенными красками:

Как вечерние облака, отбрасывающие
отблески на землю,
Взвихриваются космами язычки пламени.
Как Нухтай, пересекающий огонь,
Стоял он во весь рост среди пламени ²⁴.

Можно привести еще много стихов, характерных для почерка Аманжолова. Для этого стоит лишь перечитать любой из его жыров:

* Бетеге — степная трава.

²¹ Там же, стр. 233.

²² Том 2, стр. 183.

²³ Том 3, стр. 9.

²⁴ Том 2, стр. 97.

И начал я писать стихи.
 Пролил я много тогда
 И слез, и стихов.
 Очистилось, заголубело снова
 Небо моей мысли...²⁶

Грустью пронизано и стихотворение «Близкий друг» :

Нет писем из дому: ни от друзей, ни от близких,
 Неужто совсем забыли обо мне?
 Погруженный в мрачные мысли, я похож
 На человека, сидящего под водой ²⁷.

В стихотворениях «Думаю и пишу о разном», «Где вы сейчас, друзья?», «Ты меня одна разлучила» и др. поэт также выражает свою тоску, печаль, сожаление о прошлом, но рядом с этими сумрачными чувствами обязательно звучит горячая любовь к родному краю, к друзьям. «Письмо краю» — яркий тому пример. В нем не только дается обобщенное представление о родине, но и созданы запоминающиеся картины из жизни поэта начиная с детства и кончая зрелостью.

«Ответ Гани» — замечательное продолжение «Письма краю». Героизм людей на фронте, сердце, горящее ненавистью к врагу, великая любовь к родине, тоска о ней — таков «материал» стихотворения. Но и здесь поэт успевает сказать острое слово о явлениях, чуждых нашей морали:

Я не из тех, что заботятся о внешности,
 Будучи гнилыми внутри,
 Не ношу я ни намордников, ни шор
 Я привык своими глазами смотреть на жизнь,
 Хожу по миру без поводья ²⁸.

После возвращения с фронта поэт снова встречается со своими давними недоброжелателями. Даже лучшая его поэма «Абдолла» толковалась превратно, иные критики видели злой умысел в таких словах, как «мой казахи», «мой край». Чиновники от литературы выступали под маской литературных критиков. Против него были настроены и отдельные поэты, завидовавшие могучему таланту Аманжолова. Именно в то время он написал эти строки:

Собрал я сто новых товарищей
 Вместо десяти предавших и потерянных
 навсегда.

²⁶ Там же, стр. 73.

²⁷ Там же, стр. 72.

²⁸ Там же, стр. 62.

В «Мыслях наедине» сквозит горечь утраты друга:

Думал я, поймет он дружбу,
 Раз родился сыном человека.
 Но думы мои оказались напрасными,
 На душе осталась рана.
 Если я окажусь прав,
 Он вернется ко мне, как друг.
 Если я ошибусь,
 Придется ему бежать от меня что есть мочи ²⁹.

В стихотворении «О себе» и в ряде других Аманжолов дает достойный ответ своим «критикам»:

Я еще немало напишу в жизни,
 Одним понравлюсь, другим — нет.
 Будучи собой, скажу я свое слово,
 Обрывки чужих фраз хватать не буду.
 Я не шел по тропинке, проторенной другими,
 Благословляя судьбу, пошел напрямик,
 спотыкаясь и падая.

Касым? Да, я прежний Касым,
 Тот, что никогда не думает только о
 своем счастье.
 Пусть будут глухим туннелем мои враги,
 Пусть будут честными, с открытой душой
 мои друзья ³⁰.

Но ценность этих строк не только в том, что в них дается ответ критикам. В них поэт раскрывает перед нами свое большое сердце, свою чистую душу. Ни одного банального слова, ни одного ложного чувства. Во всей правдивости и мужестве предстает облик мудрого человека, талантливого советского поэта, посвятившего жизнь народу. Он никогда не терял цели впереди, не останавливался на полпути, не изводил себя мелочными рефлексиями. Единственное, чего он хотел постоянно — это писать правду, искать строку, ковать звонкую рифму. Другой радости у него не было. Если порой и сожалел о чем-то, то только о самом дорогом — о судьбе своих стихов:

Сожалею, что умру в один прекрасный день,
 Сожалею, что не все успел сделать.
 На день сто раз думаю, тысячу раз размышляю,
 Как бы не умерли со мной мои стихи ³¹.

²⁹ Том 3, стр. 17.

³⁰ Там же, стр. 9.

Философская лирика К. Аманжолова, написанная незадолго до смерти, — это чаще всего короткие четверостишия:

Много еще долгов на моей шее,
Но мысли такой, что не верну я их, нет.
Я прикрою на время рану в груди,
Хоть кашель и мешает мне жить.

Это сказано в 1954 г. за два месяца до кончины. Понятно, что болезнь вызывала досаду, раздражение, подавленность. Но до самой последней минуты поэт не утратил духовной стойкости:

Прекрасный мир — родной мой край.
Засиял ты с новой силой.
Для тебя одного родился я,
Для тебя одного буду жить.

Трудно охватить, трудно понять тайны творчества большого поэта. Талант Аманжолова постоянно развивался, становился глубже, многограннее с каждым новым произведением.

Каждая его рифма, сравнение, каждое его слово — свидетельство напряженного творческого труда. Тайны поэзии он разгадывал, как хлебороб разгадывает плодородие земли, и критерием ему служил читательский отклик. Он стал новатором, первооткрывателем в казахской лирике, научился превращать слово в свет, в краски, в музыку. В его ритмах читатель слышал порыв, пафос, мощь темперамента. Ему удалось создать такую композицию, которая давала возможность показать явление жизни через призму своих чувств. Приведем для примера стихотворение «Детство»:

Вспоминаются мне босоногие дни моего детства,
Дни, которые унесли с собой наши игры.
Далеко умчалось наше детство
И не знаю до сих пор, где теперь оно.

Побежал бы в эти дни я за ним в сапогах,
Но разве детство босоное догнать мне?
Я-то здесь, а ты где — не знаю.
Ушло куда-то, осиротелое, босоное.
Прошло, оказывается, много лет, много дней,
Подсчитываю я строчки жизни,

строчки стихов;
Заслышав глухой кашель старца,
Поглядываю с надеждой на дверь²⁶.

В трех строфах стихотворения уместилась целая человеческая жизнь, для изображения которой недостаточно бывает и поэмы. В на-

²⁶ Там же, стр. 26

шем воображении возникает мальчишка, с костью в руках убегающий ночью из аула, с джайляу. И рядом с ним умудренный годами седой поэт. Два образа: убегающее стремительное детство и мудрость, с завистью поглядывающая на него, пытающаяся догнать и вернуть его. Жизнь не баловала поэта. Потому, как напоминание о прошлом и предвестник будущего, слышится ему глухой кашель старика. Сколько событий, сколько прямо противоположных чувств сталкиваются в этом стихотворении! Такую сложность и многослойность можно увидеть во многих лирических стихотворениях и поэмах К. Аманжолова.

* * *

В заключительной речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей М. Горький сказал: «Наша советская поэзия за краткий срок ее жизни достигла успехов весьма значительных, но так же как проза, она содержит в себе весьма изрядное количество пустоцвета, мякины и соломы. В борьбе за высокое качество прозы и поэзии мы должны обновлять и углублять тематику, чистоту и звучность языка»³³.

Писатели многонациональной литературы восприняли эти слова как практическую программу. Среди тех, кто настойчиво искал новые художественные средства в жанре поэмы, был и Касым Аманжолов. Он долго не мог вырваться из традиционных канонов. Первыми его шагами в этой области были сюжетные сочинения по типу казахских романтических поэм. Поэт брал за основу современность, но рассказывал о ней в манере описательной и напыщенной, далекой от реализма. Нельзя сказать, что эти его сочинения не имели никакой идейной ценности. В остросюжетном повествовании он умел резко противопоставить друг другу два мира: социалистический, полный света и радости, и капиталистический, с его эксплуатацией и нищетой трудящихся. По этому принципу создавались поэма о челюскинцах и поэма «Два мира». В те же годы К. Аманжолов создал поэмы «Китайская девушка» и «Таинственная девушка» об угнетенных женщинах Востока. В «Таинственной девушке» дочь бедняка Ляззат, не желая идти замуж за старого, злого бая Жусипа, бежит из Китая в Советский Союз. Событие это имело место в действительности, поэтому автору было нетрудно воссоздать человеческие портреты, характеры, столкновения. Рассказывая о китайской действительности, сопоставляя ее с нашей, поэт как бы отвечает на коренной исторический вопрос: какими мы были вчера и какими стали сегодня? Можно отметить также ряд живописных картин, удачно сделанных строк:

³³ М. Горький. О литературе, стр. 736.

Растаяло окаменевшее горе стариков,
 Девушки и молодухи увлажнили платки
 слезами ³⁴.

Хорошо выписаны девичьи портреты, картины конных скачек, а также главы, в которых говорится о надеждах и любви поработенных народов к Советскому Союзу. Но в целом поэма схематична, построена на прямолинейном противопоставлении положительного и отрицательного.

Не менее, если не более, схематична и поэма «Китайская девушка». Здесь слово «Китай» — только обозначение места действия, но изображение народа, даже «географии» страны в произведении отсутствует. Сначала показан гнет китайских феодалов, затем к ним добавляется японский империализм. Описание ведется примерно такими вот строфами:

В разных местах кто-то преследует,
 кто-то убегает.
 Одни спешили, другие спешат куда-то.
 Дерутся врукопашную, на копьях,
 Один головы лишился, другой — руки ³⁵.

На пепелище среди развалин и трупов сидит осиротевшая девушка-китайка. Она потеряла всех своих родственников и любимого. И поэт замечает:

Обыкновенная дугобровая китайская девушка,
 Похожая на небесную звезду, на земную фею.

Далее он сравнивает ее с яблоком, побледневшим на морозе, говорит о «распущенных в беспорядке волосах». Здесь, за небольшими исключениями, господствуют каноны и штампы: «небесная звезда», «земная фея» и пр. Поэт успокаивает девушку сообщением, что он — гражданин Советского Союза.

Справедливый суд — весь трудовой люд мира,—
 Воздаст должное проискал врага,—

говорит он. И далее идет целая политическая лекция. Успокоенная словами поэта, девушка отвечает ему примерно такой же лекцией. В общем, при всей серьезности замысла автора, поэмы не получилось.

В поэме «На тое Джамбула», написанной в 1938 г., Аманжолов добросовестно перечисляет собравшихся на той классиков казахской литературы, говорит о мастерстве каждого, объявляет той великим торжеством и праздником. Это чисто развлекательная вещь.

³⁴ Том 2, стр. 233.

Аманжолову становится ясно, что поэма ему не по силам, и возвращается к лирике. И только через несколько лет, в 1944 г., он снова обращается к этому жанру и пишет поэму «Абдолла» («Легенда о смерти поэта»), ставшую ныне гордостью советской поэзии. Впервые она была напечатана в газете «Социалистик Қазақстан». Вместе с ней в казахские степи будто ворвался гул фронта, война вплотную подошла к каждому аулу.

Трудно передать впечатление, которое она произвела на читателей. Первым заговорил о поэме Габит Мусрепов: «Поэмы Касыма — как свежий ветер, подувший с фронта. Поэт дает пищу для размышлений всем писателям, обращает внимание на неизвестные нам явления и подробности. Он как бы говорит: «Не смотрите, что я молод, время научило меня высокой речи. Давайте же будем говорить также хорошо». Эта поэма — о поэте, его героизме на фронте и гибели ради спасения родины. Поэт Касым сумел глубоко раскрыть оскорбленную душу, благородное чувство мести поэта-бойца. Пламенное слово героя способно поднять людей на врага, дойти до глубины сердца человеческого, оно не может не взволновать человека»³⁶. Высокую оценку поэме дал большой русский писатель, друг казахской литературы Леонид Соболев: «Это, действительно, торжественная, величественная легенда, полная глубоких мыслей и ярких образов»³⁷. На последней декаде казахского искусства и литературы в Москве выдающийся советский поэт Николай Тихонов и другие наши русские друзья, говоря о казахской литературе, особо отмечали поэму «Абдолла». Поэма невелика по объему, жизнь главного героя показана в ней неполностью, последние его часы вообще остались вне внимания автора. На этом основании иные критики объявили героя пассивным, а поэму — лишенной действия.

Обратимся к содержанию поэмы. «Абдолла» — рассказ об одном мгновении в жизни поэта, который неожиданно оказалась во вражеском окружении. У него есть возможность избежать смерти — сдаться противнику. Но герой дерется с врагом до тех пор, пока сам не сгорает в огне. Именно такой момент, короткий, как вспышка молнии, выбрал Аманжолов для поэмы. Поэт увлекает читателя порывом, мыслями и чувствами своего героя, побуждает проверить себя, свой нравственный мир его подвигом. Отсюда — ощущение близости, которое возникает между нами и героем поэмы. Поэт образом Абдоллы страстно утверждает мысль о том, что тот, кто родился и вырос человеком, и умереть должен, как человек. Мы глубоко воспринимаем эту мысль. Она служит доказательством подлинности, а не надуманности событий в поэме.

³⁶ «Социалиста Казахстан», 1944, 5 июнь.

³⁷ «Солнечный день», 1944, стр. 5.

У воина-поэта, попавшего в окружение к фашистам, чувства обострены до предела. В короткий миг мозг его превращается в прожектор, освещающий время и пространство.

Лес изрыгает черные волны,
 Это рвутся снаряды один за другим.
 Бросив свое постоянное пристанище,
 Скрылся под водой обрывистый берег ³⁸.

Поэт осознает себя деревом, частицей берега, рухнувшего в реку. Он — сын природы, но сознательный сын. Потому он и решает не отступать, не сдаваться. Любовь к Родине и месть врагу сливаются воедино в сердце бойца, и он уже не ведает страха смерти. Он исполнен такого духовного подъема, при котором человек делает свой единственный и главный поступок жизни — совершает подвиг. Аманжолов великолепно передает момент подвига, он делает прекрасным даже момент гибели героя:

Неукротимый батыр оделся в огонь,
 Зубами сжав все свое мужество
 Побледневшие мужские губы
 Целовало острое пламя.
 Как вечерние облака, отбрасывающие отблеск
 на землю,
 Играют язычки пламени, похожие на волны
 волос.
 Он стоял один во весь рост,
 Попирая ногами пылающий костер.
 Таким вот, наверное, был Прометей,
 Держащий огонь в руке.

Охваченный пламенем воин упал, как знамя. И мы вдруг чувствуем слезы на своих глазах, потому, что теряем очень дорогого нам человека. Мы гордимся им. Его героическая смерть вдохновляет нас на великие дела, облагораживает нас. Таков пафос поэмы.

«Фрагменты поэмы» — так названа в 3-м томе сочинений К. Аманжолова поэма «Наши дастаны». Поэма издана с большими сокращениями, отчего она потеряла цельность и кажется собранием разнородных кусков. Проанализируем поэму в этом последнем варианте.

Известный литературовед Есмагамбет Исмаилов писал в предисловии к трехтомнику Аманжолова: «Он испытывал огромные трудности во время работы над поэмой. Самая большая трудность заключалась в том, чтобы найти соответствующий сюжет, передать конфликт между героями. Образцом могла служить поэма В. Маяковского «Ленин», но Касым был далек от слепого подражания. Он умер, так и не закон-

³⁸ Том 2, стр. 266.

чив поэму, начатую в 1947 году. В трех отрывочных главах Касым говорит о победе Октябрьской революции, о скорби народа в год, когда скончался Ленин, о героической борьбе советского народа в период Великой Отечественной войны. Широкие эпические картины в поэме чередуются с лирическими мотивами, раздумьями о наиболее серьезных и трагических событиях»³⁹.

Таково коротко содержание поэмы. Главным героем «Фрагментов», как и поэмы Маяковского о Ленине, являются время и народ. Ленин и партия — организаторы народных масс. Поэт же выступает как свидетель событий, как человек, облеченный доверием масс.

Использование новаторского опыта Маяковского, несомненно, обогатило творчество казахского поэта. Но освоение его не обошлось без издержек. У Маяковского даже самые крупные события века не заслоняют собой образ Ленина, наоборот — образ Ленина вырисовывается ярче, колоритнее на фоне этих событий. Он смело преодолевает любые трудности, и в этом драматизм поэмы. Сам поэт — один из героев произведения.

Поэме Аманжолова недостает именно этой цельности, слитности автора с временем. Образ эпохи создается не посредством действий героев, а посредством объективированного авторского повествования. Но поэт не сумел стать живой частицей времени, его голосом, само время в поэме предстает лишь абстрактной категорией. Поэтому внутренние монологи, патетические слова, к которым прибегает автор, не волнуют читателя. Например:

Партия!
Компартию Ленин создал!
И край, и народ закалил в борьбе он.
Четыре буквы ВКП(б) перед моими глазами,
Вечны они, не угаснет их пламя⁴⁰.

Или:

Партия шла впереди нас,
Она была Лениным для всех людей,
Разве посмели бы предать мы Ленина земле,
На счастье наше возвели Мавзолей.

Стремление к широте охвата событий оборачивается длиннотами, поверхностным описательством. О капитализме, о порождаемых им войнах он пишет языком общей прессы. И все же встречаются в поэме яркие строки, строфы, по которым угадывается настоящий поэт. О смерти Ленина и народной скорби Аманжолов создал стихи, полные глубокого трагизма:

³⁹ Том 3, стр. 433.

Когда ни помотришь сидит он
Рядом с графином.

Уже эти восемь строк дают представление об Азгынбаеве, как о возрождающемся типе. Но поэт ведет читателя дальше, рассказывает об изворотливости Азгынбаева, его хитрости, донжуанстве. Он уводит из театра девушку. Она проходит с ним через позор и унижение. При последней встрече с Азгынбаевым она плюет ему в лицо и дает пощечину. Но Азгынбаев остается спокойным и самоуверенным:

К чему расстраиваться так?
Ничего ведь с тобой не случилось.
И разве может девушка обижаться
на такое?
Поразвлекались и ты, и я.
Обманул я тебя, говорил неправду,
Но какая же в этом вина?
Разве ты одна такая обманутая?
Все через это проходят.

Таков истинный облик Азгынбаева. Для него не существуют ни честь, ни совесть, ни стыд. У него своя мораль, свой взгляд на жизнь. Его закон — потребительство. Обманутый, потерпевший поражение человек пусть пеняет на себя. Сущность героя вскрыта и объяснена. В этом социальная и художественная сила поэмы, позволяющая отнести ее к числу лучших произведений казахской поэзии.

Поэма «Буран» была написана в 1950—1951 гг. Составители трехтомника сочинений Аманжолова считают ее незаконченной. Нам это утверждение кажется спорным. Обратимся к содержанию поэмы. Один из главных героев поэмы — буран, несущий с собой джут, голод. Оказавшись по воле поэта в новой Сары-Арке, он сталкивается с только что построенным заводом. Буран со всею силой обрушивается на непокорный завод и выводит из строя электросеть. Чудом избегает смерти инженер Нурлан, получивший тяжелое увечье. Жена его Жамиля, услышав о несчастье, идет на завод и сбивается с пути. Нурлан с несколькими товарищами отправляется на поиски Жамили. Только под утро они находят ее, продрогшую и обессиленную. Как видно, все действие поэмы связано с бураном. Буран побежден, Жамиля спасена. Думается, автор так и предполагал закончить поэму. Произведение, во всяком случае, оставляет впечатление законченности.

Слабое место в поэме — рассказ о том, как Нурлан остался жив: его закапывают в землю, и земля спасает героя от смерти. Деталь слишком прямолинейная.

В целом «Буран» — несомненно, интересное произведение. Олицетворение мороза в поэме в образе седого старца — давняя традиция рус-

Передо мной брезжит золотой свет.
Свет этот — возможно, мой любимый.

Жамиля, выстоявшая в поединке с бураном, посягнувшим на ее любовь к Нурлану, женщина открытой души и чистого сердца, силой поэзии поднимается до героического образа. Образы Нурлана и его товарищей, отправляющихся на поиски Жамили, нарисованы романтически приподнято. Они, если говорить словами автора, должны найти сверкающий флаг в море. Буран побежден навсегда:

Всю ночь бесновался упрямый буран
И теперь затих, не было ему удачи.
Остались лежать у домов, как на фронте,
Его бесчисленные войска.

Буран — стихия, слепая черная сила, буран — наследие старого мира, буран — прошлое, ненавидящее новое и молодое, буран — последнее сопротивление старой жизни. Таков подтекст этого образа.

Наиболее эмоциональны в поэме стихи, прославляющие человека и любовь. В них — душа поэта, музыка его голоса. Ни одного лишнего слова или жеста, ничего недоговоренного — все на месте. «Буран» — самобытная, новаторская поэма. Одна из тех непреходящих художественных ценностей, которые составляют золотой фонд национальной культуры.

Я собирал в степи кизяк.
Нашел ты меня тогда, как отец,
Советский родной мне край⁴².

Так говорил Аманжолов, и он был искренен. «Мой советский край» — эти слова были его позицией и знаменем. Он высоко пронес это знамя вместе с народом через житейские невзгоды, через кровавые фронты войны. Аманжолов был одним из тех, кто в любых обстоятельствах не падал духом, увлекал нашу мечту вперед. Без него невозможно представить национальное художественное слово, развитие казахской советской поэзии.

⁴² Том 2, стр. 248.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	От	редакции	5
Введение			7
Становление казахской советской литературы (1917—1929)			20
Казахская советская литература 30-х годов			77
Казахская литература периода Великой Отечественной войны			138
Литература послевоенного периода (1946—1955)			176
Современная казахская литература (1956—1968)			206
О казахском литературном языке			293
Интернациональные связи казахской литературы			303
Творчество русских писателей Казахстана			330
Сакен Сейфуллин (1894—1938)			341
Ильяс Джансугуров (1894—1938)			413
Мухтар Ауэзов (1897—1961)			443
Сабит Муканов (род. в 1900 г.)			473
Габит Мусрепов (род. в 1902 г.)			505
Габиден Мустафин (род. в 1902 г.)			536
Аскар Токмагамбетов (род. в 1905 г.)			557
Таир Жароков (1908—1965)			686
Абдильда Тажибаев (род. в 1909 г.)			603
Гали Орманов (род. в 1907 г.)			627
Касым Аманжолов (1911—1955)			642
Летопись литературной жизни			668
Краткая библиография казахской советской литературы			752

История казахской литературы. В 3-х т. [Ред. колл.: М. Каратаев (отв. ред.) и др.]. Алма-Ата, «Наука», 1971.
Т. (АН КазССР. Ин-т литературы и искусства им. М. О. Ауэзова)
Т. 3. Казахская советская литература. 1971. 800 с. с илл. Библиогр., с. 752—799.
894.342.09.

Утверждено к печати Ученым советом института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР

Редакторы С. А. Петрова, Л. Ф. Любенко
Худож. редактор И. Д. Суцких
Художник Э. Б. Мальцев
Техн. редактор З. П. Ророкина
Корректор В. Н. Бетманова

Сдано в набор 8/1 1971 г. Подписано к печати 10/У 1971 г.
Формат 70X90716. Бумага № 1. Усл. печ. л. 58,5.
Уч.-изд. л. 60. Тираж 4700. УГ04168. Цена 4 р. 90 к.

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 5.

История казахской литературы. В 3-х т. Т. 3. Казахская советская литература [Текст] : монография /Ин-т литературы и искусства им. М. Ауэзова; под ред. М. К. Каратаева, 1971. - 642-667с.